

Аркадий Стругацкий и Борис Стругацкий

Пикник на обочине

Ты должна сделать добро из зла, потому что его больше не из чего сделать.

Р. П.УОРРЕН

Из интервью, которое специальный корреспондент Хармонтского радио взял у доктора Валентина Пильмана по случаю присуждения последнему Нобелевской премии по физике за 19... год.

— Вероятно, вашим первым серьезным открытием, доктор Пильман, следует считать так называемый радиант Пильмана!

— Полагаю, что нет. Радиант Пильмана — это не первое, не серьезное и, собственно, не открытие. И не совсем мое.

— Вы, вероятно, шутите, доктор. Радиант Пильмана — понятие, известное всякому школьнику.

— Это меня не удивляет. Радиант Пильмана и был открыт впервые именно школьником. К сожалению, я не помню, как его звали. Посмотрите у Стетсона в его «Истории Посещения» — там все это подробно рассказано. Открыл радиант впервые

школьник, опубликовал координаты впервые студент, а назвали радиант почему-то моим именем.

— Да, с открытиями происходят иногда удивительные вещи. Не могли бы вы объяснить нашим слушателям, доктор Пильман...

— Послушайте, земляк. Радиант Пильмана — это совсем простая штука. Представьте себе, что вы раскрутили большой глобус и принялись палить в него из револьвера. Дырки на глобусе лягут на некую плавную кривую. Вся суть того, что вы называете моим первым серьезным открытием, заключается в простом факте: все шесть Зон Посещения располагаются на поверхности нашей планеты так, словно кто-то дал по Земле шесть выстрелов из пистолета, расположенного где-то на линии Земля — Денеб. Денеб — это альфа созвездия Лебедя, а точка на небесном своде, из которой, так сказать, стреляли, и называется радиантом Пильмана.

— Благодарю вас, доктор. Дорогие хармонтцы! Наконец-то нам толком объяснили, что такое радиант Пильмана! Кстати, позавчера исполнилось ровно тринадцать лет со дня Посещения. Доктор Пильман, может быть, вы скажете своим землякам несколько слов по этому поводу!

— Что именно их интересует? Имейте в виду, в Хармонте меня тогда не было...

— Тем более интересно узнать, что вы подумали, когда ваш родной город оказался объектом нашествия инопланетной сверхцивилизации...

— Честно говоря, прежде всего я подумал, что это утка. Трудно было себе представить, что в нашем старом маленьком Хармонте может случиться что-нибудь подобное. Гоби, Ньюфаундленд — это еще куда ни шло, но Хармонт!

— Однако в конце концов вам пришлось поверить.

— В конце концов — да.

— И что же?

— Мне вдруг пришло в голову, что Хармонт и остальные пять Зон Посещения... впрочем, виноват, тогда было известно только четыре... что все они ложатся на очень гладкую кривую. Я сосчитал координаты радианта и послал их в «Нэйчур».

— И вас несколько не взволновала судьба родного города?

— Видите ли, в то время я уже верил в Посещение, но я никак не мог заставить себя поверить паническим корреспонденциям о горящих кварталах, о чудовищах, избирательно пожирающих стариков и детей, и о кровопролитных боях между неуязвимыми пришельцами и в высшей степени уязвимыми, но неизменно доблестными

королевскими танковыми частями.

— Вы были правы. Помнится, наш брат информатор тогда много напутал... Однако вернемся к науке. Открытие радианта Пильмана было первым, но, вероятно, не последним вашим вкладом в знания о Посещении!

— Первым и последним!

— Но вы, без сомнения, внимательно следили все это время за ходом международных исследований в Зонах Посещения...

— Да... Время от времени я листаю «Доклады».

— Вы имеете в виду «Доклады Международного института внеземных культур»?

— Да.

— И что же, по вашему мнению, является самым важным открытием за все эти тринадцать лет?

— Сам факт Посещения.

— Простите?

— Сам факт Посещения является наиболее важным открытием не только за истекшие тринадцать лет, но и за все время существования человечества. Не так уж важно, кто были эти пришельцы. Неважно, откуда они прибыли, зачем прибыли, почему так недолго пробыли и куда девались потом. Важно то, что теперь человечество твердо знает: оно не одиноко во Вселенной. Боюсь,

что институту (внеземных культур уже никогда больше не повезет сделать более фундаментальное открытие.

— Это страшно интересно, доктор Пильман, но я, собственно, имел в виду открытия технологического порядка. Открытия, которые могла бы использовать наша земная наука и техника. Ведь целый ряд очень видных ученых полагает, что находки в Зонах Посещения способны изменить весь ход нашей истории.

— Н-ну, я не принадлежу к сторонникам этой точки зрения. А что касается конкретных находок, то я не специалист.

— Однако вы уже два года являетесь консультантом Комиссии ООН по проблемам Посещения...

— Да. Но я не имею никакого отношения к изучению внеземных культур. В КОПРОПО я вместе со своими коллегами представляю международную научную общественность, когда заходит речь о контроле за выполнением решения ООН относительно интернационализации Зон Посещения. Грубо говоря, мы следим, чтобы инопланетными чудесами, добытыми в Зонах, распоряжался только Международный институт.

— А разве на эти чудеса посягает еще кто-нибудь?

— Да.

— Вы, вероятно, имеете в виду сталкеров?

— Я не знаю, что это такое.

— Так у нас в Хармонте называют отчаянных парней, которые на свой страх и риск проникают в Зону и тащат оттуда все, что им удастся найти. Это настоящая новая профессия.

— Понимаю. Нет, это вне нашей компетенции.

— Еще бы! Этим занимается полиция. Но было бы интересно узнать, что именно входит в вашу компетенцию, доктор Пильман...

— Имеет место постоянная утечка материалов из Зон Посещения в руки безответственных лиц и организаций. Мы занимаемся результатами этой утечки.

— Нельзя ли чуть поконкретней, доктор?

— Давайте лучше поговорим об искусстве. Неужели слушателей не интересует мое мнение о несравненной Гвади Мюллер?

— О, разумеется! Но я хотел бы сначала покончить с наукой. Вас как ученого не тянет самому заняться инопланетными чудесами?

— Как вам сказать... Пожалуй.

— Значит, можно надеяться, что хармонтцы в один прекрасный день увидят своего знаменитого земляка на улицах родного города?

— Не исключено.

1. Рэдрик Шухарт, 23 года, холост, лаборант Хармонтского филиала Международного института внеземных культур

Накануне стоим это мы в хранилище. Уже вечером — остается только спецовки сбросить и можно пройтись к Эрнесту принять капельку-другую крепкого. Я стою просто так, все дела сделал и уже сигарету наготове держу, а он все возится со своими сейфами: один загрузил и запер, а второй еще только загружает — берет «пустышки» одну за другой, каждую со всех сторон осматривает и осторожненько водворяет на полку. Опять он с ними целый день возился и опять без всякого толку. Я бы на его месте давно плюнул и другим бы чем-нибудь занялся за те же деньги. Хотя, с другой стороны, и его понять можно. «Пустышка» — штука забавная, замысловатая. Я их сколько повидал и перетаскал, а все равно, как увижу — не могу, удивляюсь. Два медных кружка в мою ладонь и миллиметров пять толщиной, а между ними — ничего. То есть совсем ничего, пусто. Можно руку просунуть, можно даже голову, если ты совсем дурак, — пустота и пустота. И при всем при том что-то между ними все-таки есть, сила какая-то, как я понимаю. Чем-то они между собой

связаны. Будто взяли стеклянную трубу, заткнули с обоих концов медными крышками, а потом труба куда-то пропала, да так ловко, что вроде бы и не пропадала совсем. Поставишь такую «пустышку» на попа — она тяжелая, сволочь, шесть с половиной кило, между прочим, — поставишь ее на попа, верхний кружок толкнешь — она падает, как, скажем, жестянка с апельсиновым соком, у которой только дно и крышка видны. Повалится, и вроде бы два колеса на одной оси, даже ось вроде бы мерещится, хотя, конечно, никакой оси на самом деле там нет. Обман зрения...

Да, так вот, он с этими «пустышками» второй месяц канителится. У него их четыре штуки; было три, а позавчера четвертую при тащили. Старик Барбридж нашел в Доме Без Крыши, патрули его накрыли, «пустышку» к нам, к Кириллу, а самого в кутузку. А что толку? Хоть их три. хоть четыре, хоть сто — все они одинаковые, и никогда в них никому ничего не понять. Но Кирилл все пытается. Есть у него гипотеза, будто это какие-то ловушки — то ли гидромагнитные, то ли гиромангнитные, то ли просто магнитные — высокая физика, я этого ничего не понимаю. Ну, и в полном соответствии с этой гипотезой подвергает он «пустышки» разным воздействиям. Температурному, например, то есть накаляет их до полного обалдения. В электропечи. Или, скажем, химическому — обливает кислотами,

кладет в газ под давлением. Под пресс тоже кладет, ток про пускает. В общем, много воздействий оказывает, но так пока ничего и не добился. Замучился только вконец. Он вообще смешной парень, Кирилл. Я этих ученых знаю, не первый год с ними вкалываю. Когда у них ничего не получается, они нехорошими делаются, грубить начинают, придираются, орут на тебя, как на холуя, так бы и дал по зубам. А Кирилл не такой. Он просто балдеет, глаза делаются, как у больной сучки, даже слезятся, что ему говоришь — не понимает, бродит по лаборатории, мебель роняет и всякую дрянь в рот сует: карандаш под руку попался — карандаш, пластилин попался — пластилин. Сунет и жует. И жалобно так спрашивает: «Почему же — говорит, — обратно пропорционально, Рэд? Не может быть, — говорит, — обратно. Прямо должно быть...»

Так вот. стоим мы с ним в хранилище, смотрю я на него, какой он серый стал, как он истомился, и жалко мне чего-то его стало, сам не знаю чего. И словно меня кто-то за язык дернул.

— Слушай, — говорю, — Кирилл... — А он как раз стоит, «пустышку» перед собой держит, и с таким видом, словно так бы в нее и залез. — Слушай, — говорю, — Кирилл, а если бы у тебя такая же «пустышка» была бы, только полная, а?

— «Пустышка»? — повторяет он и брови

сдвигает, как будто я ему бог весть какую сложную гипотезу предложил.

— Ну да, — говорю, — гидромагнитная твоя ловушка, как ее... объект «семьдесят семь бэ». Только с дерьмом каким-то внутри, с синеватым.

Смотрю — начало доходить. Поднял он на меня глаза, прищурился, и появился у него там за слезой какой-то проблеск разума, как он сам любит выражаться.

— Постой, — говорит он. — Полная? Вот такая же штука, только полная?

— Ну да.

— Где?

— Пойдем, — говорю, — покурим.

Он живо сунул «пустышку» в сейф, прихлопнул дверцу, запер на три с половиной оборота, и пошли мы с ним обратно в лабораторию. Честно говоря, я уже жалеть начал, что сболтнул. За пустую «пустышку» Эрнест дает четыреста монет, а за полную и все шестьсот вырвать можно было бы. Но ходу назад мне уже не было, и я ему все рассказал: и какая она, и где лежит, и как к ней лучше всего подобраться. Он сразу же вытащил карту, нашел этот гараж, и по глазам его я вижу, что все он про меня понял, да и чего здесь было не понять?

— Что ж, говорит, — надо идти. Давай прямо завтра утром. В девять я закажу пропуска, а в

десять выйдем. Давай?

— Давай, — говорю. — А кто еще пойдет?

— Ты да я...

— Э нет, — говорю. — Это не в бар прогуляться. А если что-нибудь с тобой случится?

Он посмотрел на меня, пощурился, усмехнулся.

— Без свидетеля не пойдешь?

— Зона, — говорю. — Порядок должен быть.

Другой бы на его месте шипеть стал, руками размахивать, расписки давать «прошу, мол, никого не винить». Он не такой. Не первый год работает, порядок в Зоне знает. Двое дело делают, третий смотрит, а когда его потом спросят — расскажет.

— Ну что ж, — говорит Кирилл. — Лично я бы взял Остина, но ты его, наверное, не захочешь. Или ничего?

— Ну нет, — говорю. — Только не Остина. Остина ты в другой раз возьмешь.

Остин — парень неплохой, смелость и трусость у него в нужной пропорции, но уж больно он хвастун. Обязательно раззвонит, что-де ходил в Зону с Кириллом и Рэдриком, махнули прямо к гаражу, взяли, что надо, и сразу обратно. Как на склад сходили. И каждому ясно будет, что заранее знали, за чем идут. А к гаражу, между прочим, с пропуском никто никогда не ходил. Значит, кто-то навел. А уж кто навел — любой сообразит.

— Нет, — говорю. — Остин не годится.

— Ну, хорошо, — говорит Кирилл. — А Тендер? Тендер — это его лаборант. Ничего мужик, спокойный.

— Староват, — говорю я.

— Ничего. Он в Зоне бывал.

— Ладно, — говорю. — Тебе виднее. Тендер так Тендер.

В общем, он остался сидеть над картой, а я пошел напрямик в «Боржч». потому что жрать хотелось невмоготу и в глотке пересохло.

Ладно. Являюсь я утром, как всегда, к девяти, предъявляю пропуск, а в проходной дежурит этот дылда, сержант, которого я в прошлом году отметелил, когда он к Гуте стал приставать по пьяному делу.

— Здорово, — он мне говорит. — Тебя, — говорит, — Рыжий, по всему институту ищут...

Тут я его так вежливо перебиваю:

— Прикуси, — говорю, — язык, сержант. Я за «рыжего» из людей бледных делал.

— Господи, — говорит, — Рыжий! Да тебя же так все зовут.

— Все не все, — говорю, — а язык прикуси. Он плюнул, вернул мне пропуск и докладывает:

— Рэдрик Шухарт, — говорит. — Вас срочно вызывает к себе уполномоченный отдела безопасности капитан Херцог.

— Вот так, — говорю я, — это другое дело. Учись, сержант, в фельдфебели произведут.

А сам думаю: что еще за новости? Какого это хрена я понадобился капитану Херцогу в служебное время? Ладно, прихожу. У него кабинет на третьем этаже, хороший кабинет, просторный. Сам Вилли сидит за своим столом, курит трубку и разводит какую-то писанину на машинке, а в углу копошится какой-то сержантик, новый какой-то, не знаю я его.

— Здравствуйте, — говорю я. — Вызывали?

Вилли смотрит на меня как на пустое место, отодвигает машинку, кладет перед собой папку и начинает ее листать.

— Рэдрик Шухарт? — говорит.

— Он самый, — отвечаю, а самому смешно — сил нет.

— Сколько времени работаете в институте?

— Два года, третий, — говорю.

— Состав семьи?

— Два брата нас, — говорю. — Сиротки. Мал мала меньше. Тогда он поворачивается к тому сержантику и строго ему приказывает:

— Сержант Луммер, — говорит, — отправляйтесь в архив и принесите папку номер сто пятьдесят.

Сержантик козырнул и смылся, а Вилли захлопывает папку и мрачно так спрашивает:

— Опять за старое взялся?

— За какое такое старое? — говорю.

— Сам знаешь, за какое. Опять на тебя материал пришел.

Так, думаю.

— И откуда материал?

Он нахмурился и покачал головой.

— Это тебя не касается, — говорит. — Я тебя по старой дружбе предупреждаю. Болтаешь, наверное, много. А ведь во второй раз попадешься — шестью месяцами не отделаешься. И из института тебя вышибут в два счета и навсегда. Понял?

— Понял, — говорю. — Одного я не понял: какая же это сволочь на меня наступала?

Но он уже опять смотрит на меня оловянными глазами и знай себе листает папку. Сержант, значит, пришел с делом номер сто пятьдесят.

— Хорошо, Шухарт, — говорит капитан Вилли Херцог, по прозвищу Боров. — Это все, что я хотел узнать. Можете идти.

Ну. я пошел в раздевалку, надел спецовку, закурил, а сам все думаю: откуда же это звон идет? Думал-думал, ничего не придумал и решил наплевать. Последний раз я в Зону ночью ходил три месяца назад, уже почти весь хабар сбыл и деньги почти все растратил. С поличным не поймали, а теперь хрен меня возьмешь, я скользкий. Но когда уже по лестнице в лабораторию поднимался, меня

вдруг осенило; и только я Кирилла увидел, как сразу ему сказал:

— Что же это ты, — говорю, — треплешься? Не понимаешь, что ли, чем это для меня пахнет?

Он нахмурился и весь напрягся. Сразу видно: ни черта не понимает, о чем речь идет.

— Что случилось? — говорит. — О чем ты?

— Ты кому о гараже говорил?

— О гараже? Никому. А что?

— Да так, ничего, — говорю. — Какие будут распоряжения?

— Пойдем, прикинем маршрут, — говорит он.

— Какой маршрут?

Тут он, конечно, на меня вылупил глаза.

— То есть как — какой? Маршрут по Зоне.

— А что, — говорю, — в Зону сегодня идем разве?

Тут он, видно, что-то сообразил. Взял меня за локоть, отвел к себе в кабинетик, усадил за свой стол, а сам примостился рядом на подоконнике. Закурили. Молчим. Потом он осторожно так спрашивает:

— Что-нибудь случилось. Рэд?

— Нет, — говорю, — ничего не случилось. Вчера в покер двадцать монет продул этому... Дику. Здорово играет, шельма. У меня, понимаешь, на руках «стрит»...

— Подожди, — говорит он. — Ты что,

раздумал?

Ну, у меня терпенье лопнуло. Не могу я с ним в такие игрушки играть.

— Да, — говорю, — раздумал. Трепло ты, — говорю. — Звонарь. Я тебе как человеку сказал, а ты раззвонился на весь город, уже до безопасности дошло... — Он на меня рукой замахал, но я все-таки закончил: — Я на таких условиях тебе не работник. Так и запомни, хотя вряд ли я тебе теперь когда-нибудь что-нибудь еще скажу.

Выразил я ему все это и замолчал. Опять у него несчастный вид сделался, и опять у него глаза стали, как у больной суки. Передохнул он этак судорожно, закурил новую сигарету от окурка старой и говорит мне тихо:

— Хочешь верь, Рэд. хочешь не верь, а я никому ни слова не говорил.

— Ну, не говорил — и хорошо.

— Я даже Тендеру еще ничего не говорил. Пропуск на него выписал, а самого даже не спросил, пойдет он или нет.

Я молчу, курю. Как он не понимает, что нельзя мне теперь идти? Опасно. Неважно, кто назвонил. Может быть, даже и не он, хотя если не он, то кто, спрашивается? Никакой сталкер, если он со всем не свихнулся, на пушечный выстрел к Зоне не подойдет, когда знает, что за ним следят. Мне сейчас в самый темный угол залезть надо. Какая,

мол, Зона? Я туда, мол, и по пропускам-то не хожу который месяц...

— Слушай, Рэд. — говорит вдруг он. — А может быть, тебя совсем не из-за этого гаража на заметку взяли. Мало что у тебя было раньше!

— Какая мне разница. — говорю.

— Но я же не звонил. Этому ты веришь?

— Верю, — соврал я, чтобы его успокоить.

Но он не успокоился. Соскочил с подоконника, прошелся по своему кабинетику взад-вперед, а сам бормочет расстроенно:

— Нет, брат, не веришь ты мне. А почему, собственно, не веришь? Зря ты мне не веришь.

Он, значит, но кабинетику бегают, а я сижу, дым пускаю и помалкиваю. Жалко мне его, конечно, и обидно, что так по-дурацки получилось. А кто виноват? А сам я и виноват. Кто меня за язык тянул? Поманил дитятю пряником, а пряник-то в заначке, и доставать его нельзя... Тут он перестает бегать, останавливается около меня и, глядя куда-то вбок, неловко спрашивает:

— Слушай, Рэд, спрашивает, — а сколько она может стоять — полная «пустышка»?

Я сначала его не понял, подумал сначала, что он у меня купить хочет, а денег у него, конечно, нет, откуда у него деньги, у иностранного специалиста, да еще русского? А потом меня словно обожгло: что же это он, сука, он что, думает,

что я из-за зелененьких эту бодягу развел? Ах ты, думаю, стервец, за кого ты меня принимаешь? А с другой стороны, как ему это не подумать? Ведь что такое сталкер? Сталкер — он сталкер и есть, ему бы только зелененьких побольше, он за зелененькие жизнью торгует. Вчера, значит, удочку забросил, а сегодня приманку вожу, цену набиваю. У меня даже язык отнялся от таких мыслей. А он вдруг ладонью о ладонь хлопнул, руки потер и бодрячком таким объявляет:

— Ну, что ж, нет так нет. Я тебя понимаю, Рэд, и осуждать не могу. Пойду сам. Авось обойдется, не в первый раз...

Расстелил на подоконнике карту, уперся руками, сгорбился над ней, и вся его бодрость прямо-таки на глазах испарилась. Слышу — бормочет:

— Сто двадцать метров... Даже сто двадцать два... И что там еще в самом гараже... Нет, не возьму я Тендера. Как ты думаешь, Рэд, может, не стоит Тендера брать? Все-таки у него двое детей...

— Одного тебя не выпустят, — говорю я.

— Ничего, выпустят, — бормочет он. — У меня все сержанты знакомые. Не нравятся мне эти грузовики... Тринадцать лет под открытым небом стоят, а как новенькие... В двадцати шагах от них бензовоз — ржавый, как решето... а они — как с конвейера... Ох уж эта Зона!

Поднял он голову от карты и уставился в окно. И я тоже уставился в окно. Стекло в окне толстое, свинцовое, а за стеклом Зона-матушка — вот она, рукой подать, вся как на ладони с двенадцатого этажа. Так вот посмотришь на нее — земля как земля. Солнце на нее как на всю остальную землю светит, и ничего вроде бы на ней не изменилось, все вроде бы как тринадцать лет назад. Отец-покойник посмотрел бы, ничего бы особенного не заметил, разве что спросил бы, чего это завод не дымит, забастовка, что ли? Желтая порода конусами, кауперы на солнышке отсвечивают, рельсы, рельсы, рельсы, на рельсах паровозик с платформами... Индустриальный пейзаж, одним словом. Только людей нет. Ни живых, ни мертвых. Вон и гараж виден: длинная серая кишка, ворота нараспашку, а на асфальтовой площадке машины стоят. Тринадцать лет стоят, и ничего им не делается. Правильно он насчет машин отметил, соображает. Упаси бог между двумя машинами оказаться, их надо стороной обходить... там одна трещина есть в асфальте... если она с тех пор колючкой не заросла... Сто двадцать два метра... Это откуда же он считает? А, наверное, от крайней вешки считает. Правильно, так больше не будет. Все-таки продвигаются ученые... Смотри, до самого отвала дорогу провесили, да как ловко провесили! Вон она, та канавка, где Слизняк

гробанулся, всего в двух метрах от ихней дороги... А ведь говорил Барбридж Слизняку, держись от канав подальше, дурак, а то ведь и хоронить нечего будет... Как в воду глядел. Нечего хоронить. С Зоной ведь так: с хабаром вернулся — чудо; живой вернулся — удача; патрульная пуля — везенье; все остальное — судьба. Тут я посмотрел на Кирилла и вижу: он за мной искоса наблюдает. И лицо у него такое, что я в этот момент снова все перерешил. Он бы мог вообще ничего не говорить, но он сказал:

— Младший препаратор Шухарт, — говорит. — Из официальных — подчеркиваю: из официальных источников я получил сведения, что осмотр гаража может принести большую пользу науке. Есть предложение осмотреть гараж. Премияльные гарантирую. — А сам улыбается, как майская роза.

— Из каких же это официальных источников? — спрашиваю я и сам тоже улыбаюсь.

— Это конфиденциальные источники, — отвечает. — Но вам я могу сказать. — Тут он перестал улыбаться и насупился. — Скажем, от доктора Дугласа...

— А, — говорю, — от доктора Дугласа... От какого же это Дугласа?

— От Сэма Дугласа, — говорит он сухо. — На прошлой неделе он погиб в Зоне.

У меня мурашки по коже пошли. Кой черт!

Разве о таких вещах перед выходом говорят? Хоть кол им на голове теши, ничего не соображают. Ткнул я окурок в пепельницу и говорю:

— Ладно. Где ваш Тендер? Долго мы его еще ждать будем?

В общем, больше мы на эту тему не говорили. Кирилл позвонил в ППС, заказал «летучую галошу», а я взял карту и посмотрел, что у них там нарисовано. Ничего нарисовано, в порядке. Фотографическим путем сверху и с большим увеличением. Даже рубчики на брошенной крышке, у ворот гаража видны. Нашему бы брату сталкеру такие карты, а впрочем, черта от них толку, когда ночью задницу звездам показываешь и собственных рук не видишь. А тут и Тендер появился. Красный, запыхался. Дочка у него заболела, за доктором бегал. Тут мы ему и поднесли подарочек — в Зону идти. Он даже задохнуться забыл, сердяга. «Как так — в Зону? — говорит. — Почему — я?» Однако, услышав про двойные премиальные и про то, что Рэд Шухарт тоже идет, оправился и задышал снова.

В общем, спустились мы в «будуар», Кирилл смотался за пропусками, предъявили мы их сержанту (этих сержантов в институте больше, чем в дивизии, да все такие дородные, румяные, кровь с молоком, им в Зону ходить не надо), предъявили мы, значит, наши пропуска сержанту, и выдал нам

сержант по спецкостюму. Вот это хорошая вещь. Перекрасить бы его из красного в какой-нибудь подходящий цвет — любой сталкер за него пятьсот монет отвалит, глазом не моргнет. Я уж давно поклялся, что изловчусь как-нибудь, сопру один обязательно. На первый взгляд — ничего особенного, костюм такой, вроде водолазного, и шлем как у водолаза, с большим окном впереди. Даже не вроде водолазного, а скорее как у летчика-реактивщика или, скажем, у космонавта. Легкий, удобный, нигде не жмет, не давит, и от жары в нем не потеешь. Но в этом костюмчике и в огонь можно, и газ никакой через него не проходит. Пуля, говорят, и то не пробивает. Конечно, и огонь, и иприт какой-нибудь, и пуля — это все человеческое. В Зоне ничего этого нет, в Зоне не этого надо опасаться. Чего там говорить, в этих спецкостюмах тоже мрут как миленькие... Другое дело, что без костюмов, может быть, и еще больше мерли бы. От «жгучего пуха», например, они на сто процентов спасают. Или от плевков «чертовой капусты». Ладно.

Натянули мы спецкостюмы эти и побрели через весь институтский двор к выходу в Зону. Так здесь у них это заведено — чтобы с все видели: вот, мол, идут герои науки, живот свой на алтарь класть во имя человечества, знания и святого духа, аминь. И точно, во все окна аж до двенадцатого этажа

хайла повыставлялись, только что платочками не машут и оркестра нет.

— Шире шаг, — говорю я Тендеру. — И брюхо подбери. Похоронная команда... Меньше себя жалей, больше о деле думай, а благодарное человечество тебя не забудет.

Посмотрел он на меня, и вижу я, что ему не до шуток. Да и то верно, какие уж тут шутки. Но когда в Зону выходишь, то одно из двух: либо плачь, либо шути, а я сроду не плакал. Посмотрел я на Кирилла. Ничего держится, опять что-то бормочет — никак молится?

— Что, — спрашиваю, — молишься? Молись, — говорю, — молись! В Зону дальше, к небу ближе.

— Что? — спрашивает.

— Молись! — кричу. — Погибших в Зоне господь без очереди принимает!

А он вдруг руку поднял и меня по плечу похлопал. Не бойся, мол, со мной, мол, не пропадешь, а если и пропадешь, то умираем, мол, один раз. Нет, он ничего парень. Смешной.

Сдали мы пропуска последнему сержанту — на этот раз, в порядке исключения, это лейтенант оказался, я его знаю, бардачник неумный, — а «летучая галоша» уже тут как тут, подогнали ее ребята из ППС и поставили у самой проходной. Поднялись мы на «галошу». Кирилл встал за

управление и говорит мне:

— Ну, Рэд, командуй.

Я без всякой торопливости приспустил «молнию» на груди, достал из-за пазухи флягу, хлебнул как следует, крышечку завинтил и флягу обратно за пазуху сунул. Не могу без этого. В который раз в Зону иду, а без этого нет, не могу. Они на меня смотрят и ждут.

— Так, — говорю. — Вам не предлагаю, потому что иду с вами впервые и не знаю, как на вас спиртное действует. Порядок у нас будет такой. Все, что я сказал, выполнять мигом и беспрекословно. Если кто замешкается, буду бить кулаком, извиняюсь заранее. Вот, например, я тебе, господин Тендер, прикажу: на руки встань и иди, так вот ты, господин Тендер, должен зад свой толстый задрать и выполнять. А не исполнишь, дочку свою больную, может, и не увидишь больше. Но я уж позабочусь, чтобы ты увидел. Понятно?

— Понятно, — сипит Тендер, сам весь красный, уже потеет и губами шлепает. — Не новичок, — говорит. — Ты, Рэд, главное, приказать не забудь, а уж я на зубах пойду, не то что на руках.

— Вы для меня оба новички. — говорю. — А уж приказать я не забуду, не беспокойся. Кстати, «галошу» ты водить умеешь?

— Умеет, — говорит Кирилл. — Хорошо водит.

— Хорошо так хорошо, — говорю. — Тогда с богом. Опустишь забрала! Малый вперед по вешкам, высота пять метров. У двадцать седьмой вешки остановишься.

Кирилл поднял «галошу» на пять метров и дал малый вперед, а я незаметно повернул голову и три раза тихонько дунул через левое плечо. Смотрю — лейтенант в дверях проходной торчит и честь нам, дурак, отдает. Тендер хотел было ему ручкой сделать, но я ему так в бок двинул, что у него сразу все прощания из головы вылетели. Я тебе покажу прощаться, морда твоя толстозадая. Поплыли.

Справа у нас был институт, слева — Чумной квартал, а мы шли от вешки к вешке по самой середине улицы. Ох и давно же на этой улице никто не ходил и не ездил. Асфальт весь потрескался, трещины травой проросли, но это еще наша была трава, человеческая.

А вот на тротуаре по левую руку уже росла черная колючка, и по тому, как она росла, было видно, как четко Зона себя обозначает: заросли черной колючки у самой мостовой будто косой срезало. Нет, пришельцы эти все-таки порядочные ребята были. Нагадили, конечно, но сами же своему дерьму четкую границу обозначили. Ведь даже «жгучий пух», хотя его ветром как попало мотает, на нашу сторону из Зоны ни-ни. Дома в Чумном квартале облупленные, мертвые, но стекла в окнах

почти везде целы, грязные только и потому вроде бы слепые. А вот ночью, когда проползаешь, очень хорошо видно, как внутри светится, словно спирт горит, язычками такими голубоватыми. Это «ведьмин студень» из подвалов дышит.

Так вот на квартал посмотришь — квартал как квартал, дома как дома, ремонта, конечно, требуют, а в общем, ничего особенного нет, людей только не видно. А вот в этом доме кирпичном, между прочим, наш учитель арифметики жил, но прозвищу Запятая. Дурак был и неудачник, третья жена у него ушла перед самым Посещением, а у дочки бельмо на глазу было, мы ее, помню, до слез задразнивали. Когда паника началась, он со всеми прочими из этого квартала в одном белье до самого моста бежал, все шесть километров без передышки. Потом долго чумкой болел, вся кожа с него слезла. Да кто в этом квартале жил — почти все переболели, поэтому-то и квартал Чумным называется. Некоторые померли, но в большинстве старики, да и то не все. Я, например, думаю, что они не от чумки померли, а от страха. Странное дело — кто в этом квартале жил, чумкой болел, а вот в следующих трех кварталах люди слепли; так кварталы теперь и называются — Первый Слепой. Второй Слепой... Не до конца слепли, а так, что-то вроде куриной слепоты. Рассказывают, между прочим, что ослепли они будто бы не от вспышки

какой-нибудь там, хотя вспышки, говорят, были, а от сильного грома. Загремело, говорят, с такой силой, что сразу ослепли. Доктора им: да не может этого быть, мол, вспомните хорошенько — нет, стоят на своем: сильнейший грохот, от которого они и ослепли. И при этом никто, кроме них, грома не слышал...

Да, будто здесь ничего и не случилось. Вон киоск стоит стеклянный, целехонек. Детская коляска в воротах, даже белье в ней будто чистое. Вот антенны только подвели: обросли какими-то волосами вроде мочала. Ученые наши на эти антенны все зубы точат — интересно, видите ли, им посмотреть, что это за мочало, нигде такого больше нет, только в Чумном квартале и только на антеннах. В прошлом году догадались: с вертолета якорь спустили на стальном тросе, зацепили одну. Только он потянул — вдруг «пш-ш-ш!» — смотрим: от антенны дым, от якоря дым, и трос уже дымится, да не просто дымится, а с жутким таким шипением, вроде как гремучая змея. Ну, пилот, даром что лейтенант, быстро сообразил, что к чему. Трос выбросил, а сам деру дал. Вон он, этот трос, висит, до земли почти свисает и сам теперь мочалом оброс...

Так потихоньку-полегоньку доплыли мы до конца улицы, до по ворота. Кирилл посмотрел на меня: сворачивать? Я ему махнул: «самый малый».

Повернула наша «галоша» и пошла самым малым над последними шагами человеческой земли. Тротуар ближе, ближе, вот уже и тень «галоши» на колючки наехала... Все. Зона. И сразу такой озноб по коже. Каждый раз у меня этот озноб, и я не знаю до сих пор, то ли это Зона так встречает, то ли нервишки у сталкера шалят. Каждый раз думаю: вернусь и спрошу, у других то же самое или нет? — и каждый раз забываю. Ну, ладно, ползем потихоньку над бывшими огородами, двигатель под ногами гудит ровно, спокойно, ему-то ничего, его не тронут. И тут мой Тендер не выдержал. Не успели мы еще до первой вешки дойти, как принялся он болтать. Ну, как обычно новички болтают в Зоне: зубы у него стучат, сердце заходится, себя плохо помнит, и стыдно ему, и удержаться не может. Я думаю, это вроде поноса, от человека не зависит, а льет себе и льет. И чего только они не болтают! То начнет пейзажем восхищаться, то свои соображения по поводу Посещения примется высказывать, а то и вообще к делу не относящееся — вот как Тендер сейчас про новый свой костюм завел и остановиться не может: сколько он заплатил за него, да какая шерсть тонкая, да как ему портной пуговицы менял...

— Замолчи, — говорю.

Он грустно так на меня посмотрел, губами пошевелил — и снова. А огороды уже кончаются,

глинистый пустырь пошел, где раньше свалка городская была, и чувствую я — ветерком здесь тянет. Только что никакого ветра не было, а тут вдруг потянуло, пылевые чертики побежали, и вроде бы я что-то слышу.

— Молчи, сволочь. — говорю я Тендеру.

Нет, никак не может остановиться. Ну, тогда извини.

— Стой, — говорю Кириллу.

Он немедленно тормозит. Реакция хорошая, молодец. Тогда я беру Тендера за плечо, поворачиваю его к себе и ладонью с размаху ему по забралу. Треснулся он, бедняга, носом в окошко, глаза закрыл и замолчал. И только он замолчал, как я слышу: тр-rrrr... тр-rrrr... тр-rrrr... Кирилл на меня смотрит, зубы стиснуты, рот оскален. Я рукой ему показываю: стой, мол, стой, ради бога, не шевелись. Но ведь он тоже слышит, и, как у всех новичков, у него сразу позыв: действовать, делать что-нибудь. «Задний ход?» — шепчет. Я ему отчаянно головой мотаю, кулаком перед самым шлемом потряс: нишкни, мол. Эх, мать честная, с этими новичками не знаешь, куда смотреть: то ли в Зону смотреть, то ли на них смотреть. И тут я про все забыл. По-над кучей старого мусора, над битым стеклом и тряпьем разным поползло такое дрожание, трепет какой-то, ну как горячий воздух над железной крышей в полдень, перевалило через

бугор и пошло, пошло, пошло нам наперерез, рядом с вешкой прошло, над самой дорогой задержалось, постояло с полсекунды — или это мне показалось так? — и утянулось в поле, за кусты, за гнилые заборы, туда, к кладбищу старых машин.

Мать их, ученых, в чертову душу, надо же, сообразили, где дорогу повесили: по выемке! Но и я тоже хорош — как же не сообразил, когда на карту смотрел?

— Давай малый вперед. — говорю Кириллу.

— А что это было?

— А хрен его знает. Было и нету, и слава богу. И заткнись, пожалуйста. Ты сейчас не человек, понял? Ты сейчас машина, рычаг мой...

Сказал и спохватился, что меня, похоже, тоже словесный понос одолевает начинает.

— Все, — говорю. — Ни слова больше.

Хлебнуть бы сейчас. Достать из-за пазухи родимую, свинтить колпачок не торопясь, по горлышко на нижние зубы положить и голову задрать, чтобы полилось, в самую глотку полилось, продрало бы, слезу выточило... а потом флягу покачать и еще раз приложиться. Дерьмо эти скафандры, вот что я вам скажу. Вез скафандра я, ей-богу, столько прожил и еще столько же проживу, а без хорошего глотка в такой вот момент... Ну да ладно.

Ветерок вроде бы упал, и ничего дурного

вокруг не слышно, только двигатель гудит, ровно так, спокойно. Вокруг солнце, вокруг жара, над гаражом марево, все вроде бы нормально, вешки одна за другой мимо проплывают. Тендер молчит, Кирилл молчит — шлифуются новички. Ничего, ребята, в Зоне тоже дышать можно, если умеючи. А вот и двадцать седьмая вешка — железный шест и красный круг на нем с номером двадцать семь. Кирилл на меня посмотрел, я ему кивнул, и наша «галоша» остановилась.

Цветочки кончились, теперь начинаются ягодки. Теперь самое главное для нас полнейшее спокойствие. Торопиться некуда, видимость хорошая, ветра нет, все как на ладони. Вон канава проходит, где Слизняк гробанулся — пестрое там что-то виднеется, может, тряпье его. Паршивый был парень, упокой господи его душу, жадный, глупый, грязный, а вообще-то Зона не спрашивает, плохой ты или хороший, и спасибо тебе. Слизняк, дурак ты был, а умным людям показал, куда ступать нельзя... Так. Конечно, лучше всего добраться бы нам теперь до асфальта. Асфальт ровный, на нем все виднее, и трещина эта там знакомая. Только не нравятся мне эти бугорочки. Если по прямой к асфальту идти, как раз между ними проходить придется. Ишь. стоят, будто ухмыляются, ожидают. Нет, промежду вами я не пойду. Вторая заповедь сталкера: справа или слева

должно быть все чисто на сто шагов. А вот через левый бугорочек перевалить можно... правда, не знаю я, что там за ним. На карте как будто ничего нет, но кто же картам верит?

— Слушай, Рэд, — шепчет мне Кирилл. — Давай прыгнем, а? На двадцать — тридцать метров вверх и сразу вниз, и мы у гаража, а?

— Молчи, дурак. — говорю я. — Не мешай, молчи...

На двадцать метров вверх... А долбанет тебя там, на двадцати метрах? Костей ведь не соберешь. Или «комариная плешь» здесь где-нибудь есть... Тут не то что костей, мокрого места не останется.

Ох уж эти рискованные, не терпится ему. видишь ты... Давай прыгнем... В общем, как до бугра идти — ясно, а там постоим, посмотрим. Сунул я руку в наколенный карман и вытащил горсть гаек. Показал их Кириллу на ладони и говорю:

— Мальчика с пальчик помнишь? Проходил в школе? Так вот. сейчас будет все наоборот. Смотри! — и бросил я первую гаечку. Недалеко бросил, как положено — метров на десять, и гаечка прошла нормально. — Видел?

— Ну? — говорит.

— Не «ну», а видел, я спрашиваю?

— Видел.

— Теперь самым малым води «галошу» к этой гаечке и, двух шагов до нее не доходя, остановись.

Понял?

— Понял. Гравитационные ноля ищешь?

— Что надо, то и ищу. Подожди, я еще одну брошу, следи, куда упадет, и глаз с нее больше не спускай.

Бросил я еще одну гайку. Само собой, тоже прошла нормально и легла рядом с первой.

— Давай, — говорю.

Тронул он галошу. Лицо у него спокойное и ясное сделалось: видно, все понял. Они ведь все, ученые, такие. Им главное — название придумать. Пока не придумал — смотреть на него жалко, дурак дураком. Ну а придумает тут ему словно все понятно становится. Словно жить ему легче.

Прошли мы первую гайку, прошли вторую. Потом и третью прошли. Тендер вздыхает, с ноги на ногу переминается, обвыкся немного, и теперь ему, видите ли, скучно. А может, не скучно, а томно.

— По сторонам посматривай. — говорю ему. — Видишь ведь, мы заняты.

— А чего посматривать? — удивляется. — Все тихо...

Пришлось припугнуть:

— Вот врежет нам сзади или сбоку, тогда узнаешь, как тихо. В Зоне чем тише, тем опаснее.

Все. Доконал парня. Завертелся Тендер, аж «галоша» закачалась. Ничего, это ему на пользу.

Бросил я четвертую гаечку. Как-то она не так прошла. Не могу объяснить, в чем дело, но чувствую, что не так, и сразу хватаю Кирилла за руку.

— Стой, — говорю, — ни с места.

А сам взял пятую и кинул повыше и подальше. Вот она, «плешь комариная». Гаечка вверх полетела нормально, вниз — тоже вроде бы нормально было пошла, но на полпути ее словно кто-то вбок и вниз дернул, да так дернул, что она в глину ушла и из глаз исчезла.

— Видал? — говорю шепотом.

— В кино только видал, — говорит. Сам весь вперед подался, того и гляди с «галоши» сверзится. — Брось еще одну, а?

Смех и грех. Одну! Да разве здесь одной обойдешься? Эх, наука! Ладно, разбросал я еще восемь гаек; честно говоря, семи хватило бы, но одну я специально для него бросил, в самую середку «комариной плечи» — пусть полюбуется на свое гравитационное. Ахнула она об глину, как будто не гаечка упала, а пятипудовая гирия. Ахнула и как прилипла. Он даже закричал от удовольствия.

— Ну ладно, — говорю, — побаловались, и хватит. Сюда смотри. Кидаю проходную, глаз с нее не спускай.

Короче, обошли мы «комариную плешь» и на

бугорочек поднялись. Бугорочек этот — как кот нагадил, я его до той поры вообще не примечал. Да. Ну, зависли мы над бугорочком, до асфальта рукой подать, шагов двадцать. Место чистейшее. Каждую травинку видно, каждую трещинку. Казалось бы, ну что — кидай гайку, и с богом.

Не могу кинуть гайку.

Сам не понимаю, что со мной делается, а гайку кинуть никак не решусь.

— Ты что? — говорит Кирилл. — Чего мы стоим?

— Подожди, — говорю. — Замолчи, ради бога.

Сейчас, думаю, кину гаечку, спокойненько пройдем, а там асфальт... И тут вдруг пОтом меня как прошибет, даже глаза залило. и уже знаю я, что гаечку я туда кидать не буду. Влево — пожалуйста, хоть две. И дорога туда длиннее, и камушки какие-то я там вижу не шибко приятные, но туда я гаечку кинуть берусь, а прямо — ни за что. И кинул я гаечку влево. Кирилл ничего не сказал, повернул «галошу», подвел к гайке и только тут на меня посмотрел. И вид у меня, должно быть, был нехороший, потому что он тут же глаза отвел.

— Ничего, — я ему говорю. — Кривой дорогой ближе. — И кинул последнюю гаечку на асфальт.

Дальше дело пошло проще. Нашел я свою

трещинку, чистая она оказалась, милая моя, никакой дрянью не заросла, цвет не переменила, смотрел я на нее и тихо радовался. И довела она нас до самых ворот гаража лучше всяких вешек.

Приказал я Кириллу снизиться до трех метров, лег на живот и стал смотреть в раскрытые ворота. Сначала с солнца ничего не было видно, черно и черно, потом глаза привыкли, и вижу я, что в гараже с тех пор ничего вроде бы не переменилось. Тот грузовик как стоял на яме, так и стоит, целенький стоит, без дыр, без пятен, и на цементном полу вокруг все как прежде — потому, наверное, что «ведьмина студня» в ямине мало скопилось, не выплескивался он с тех пор ни разу. Одно мне только не понравилось: в самой глубине гаража, где канистры стоят, серебрится что-то. Раньше этого не было. Ну ладно, серебрится так серебрится, что ж теперь, возвращаться, что ли, из-за этого? Ведь не как-нибудь так особенно серебрится, а чуть-чуть, спокойно так, вроде бы даже ласково. Поднялся я, отряхнул брюхо и огляделся. Вон четыре машины на площадке стоят, действительно, как новенькие, с тех пор, как я в последний раз здесь был, они вроде бы еще новее стали, а бензовоз вот совсем, бедняга, проржавел, скоро разваливаться начнет. Вон и крышка у ворот валяется, которая на карте значится...

Не понравилась мне эта крышка. Тень от

нее какая-то ненормальная. Солнце в спину светит, а тень к нам протянулась. Ну да ладно, до нее далеко... В общем, ничего, работать можно. Только что это там все-таки серебрится? Или это мерещится мне? Сейчас бы закурить, конечно, присесть тихонечко и поразмыслить — почему около канистр серебрится, почему поодаль не серебрится... тень почему такая от крыши... Старик Барбридж про тени что-то рассказывал, диковинное что-то, но безопасное... С тенями здесь бывает. А вот что это там все-таки серебрится? Ну ровно паутина в лесу на деревьях. Какой же это паучок ее там сплел. Ох, ни разу и жизни жучков-паучков я в Зоне не видел. И хуже всего, что пустышка моя как раз там, шагах в трех от канистр, валяется. Надо мне было тогда же ее и упереть, никаких забот сейчас бы не было. Но уж больно тяжелая, стерва, не зря полная, поднять-то я ее мог, но на себе тащить, да еще ночью, да еще на карачках... а кто «пустышек» ни разу не таскал, пусть попробует, это все равно, что пуд воды без ведра нести... Так идти, что ли? Надо идти. Хлебнуть бы сейчас... Повернулся я к Тендеру и говорю:

— Сейчас мы с Кириллом спустимся вниз и пойдем в гараж. Ты остаешься здесь за водителя. К управлению без моего приказа не прикасайся, что бы ни случилось. Хоть земля под тобой загорится.

Если струсишь — на том свете найду, тогда молись.

Он серьезно мне покивал — не струшу, мол. Нос у него — ровно слива, здорово я ему дал. Ну, спустил я тихонечко аварийные блок-тросы, посмотрел еще раз на это серебрение, кивнул Кириллу и стал спускаться. Встал на асфальт, жду. пока Кирилл спустится по другому тросу.

— Не торопись, — говорю, — не спеши. Меньше пыли.

Стоим мы на асфальте, «галоша» над нами покачивается, тросы под ногами ерзают. Тендер башку через перила выставил, на нас смотрит. Надо идти. Я говорю Кириллу:

— Иди за мной шаг в шаг, на два шага позади, смотри мне в спину, не зевай.

И пошел. Остановился я на пороге, огляделся. Все-таки до чего же проще работать днем, чем ночью. Помню я, как лежал вот на этом самом месте. Темно, как у негра в ухе, из ямы «ведьмин студень» языки выбрасывает, голубые, как спиртовое пламя, и ведь что обидно — ничего, сволочь, не освещает, даже темнее из-за этих языков кажется. А сейчас что — глаза к сумраку привыкли, все как на ладони, даже в самых темных углах пыль видно. Вот тут-то я и напортачил: привык один работать, у самого глаза пригляделись, а про Кирилла-то я и забыл. Шагнул это я внутрь и прямо к канистрам. Действительно,

серебрится что-то, нити какие-то от канистр тянутся к потолку — очень на паутину похожие. Может, паутина и есть, но лучше от нее подальше. Присел я над «пустышкой» на корточки. К ней паутина вроде бы не пристала. Взялся я за один конец и говорю Кириллу:

— Ну. берись, да не урони — тяжелая...

Глянул я на него, и горло у меня схватило: ни слова не могу сказать. Хочу крикнуть: стой, мол, замри! — и не могу. Да и не успел бы, наверное, больно быстро все получилось. Кирилл шагает через «пустышку», поворачивается к канистрам задом и всей спиной — в это серебрение. Я только глаза закрыл. Все во мне обмерло, ничего не слышу — слышу только, как эта паутина рвется. Со слабым таким сухим треском, словно обыкновенная паутина порвалась, только погромче. Сижу я с закрытыми глазами, ни рук, ни ног не чувствую, а Кирилл говорит:

— Ну что ты? — говорит. — Взяли?

— Взяли, — говорю.

Подняли мы «пустышку» и понесли к выходу, боком идем. Тяжеленная стерва, даже вдвоем ее тащить нелегко. Вышли мы на солнышко, остановились под «галошей», Тендер к нам уже лапы протянул.

— Ну. — говорит Кирилл, — раз, два...

— Нет, — говорю. — погоди. Поставим

сначала.

Поставили.

— Повернись. говорю, — спиной.

Он без единого слова повернулся. Смотрю я — ничего у него на спине нет. Я и так. я и этак — нет ничего. Тогда я поворачиваюсь и смотрю на канистры. И там ничего нет.

— Слушай, — говорю я Кириллу, а сам все на канистры смотрю. — Ты паутину видел?

— Где?

— Ладно, — говорю. — Счастлив наш бог. — А сам думаю: сие, впрочем, пока неизвестно. — Давай, — говорю, — берись.

Взвалили мы «пустышку» на «галошу», поставили на попа, что бы не каталась. Стоит она, голубушка, новенькая, чистенькая, на меди солнышко играет, и синяя начинка между медными кружками туманно так переливается, струйчато. И видно теперь, что не «пустышка» это, а именно вроде сосуда, вроде стеклянной банки с синим сиропом. Полюбовались мы на нее, вскарабкались на «галошу» сами и без лишних слов в обратный путь. Лафа этим ученым. Во-первых, днем работают. А во-вторых, тяжело им только в Зону ходить, а из Зоны «галоша» сама везет, есть у нее такое устройство, курсограф, что ли, которое «галошу» точно по тому же курсу обратно ведет, по которому «галошу» сюда привели. Плыдем мы об

ратно, все маневры повторяем: останавливаемся, повисим немного и дальше, и над всеми моими гайками проходим, хоть собирай их.

Новички мои, конечно, сразу духом воспрянули. Головами вертят, страху в них почти не осталось, одно любопытство да радость, что все благополучно обошлось. Болтать было принялись: Тендер руками замахал и принялся грозиться, что вот вернется, пообедает и сразу обратно в Зону, дорогу к гаражу провешивать, а Кирилл взял меня за рукав и начал про свое гравитационное поле, про «комариную плешь» то есть, втолковывать. Ну, я их не сразу, правда, но укоротил. Спокойненько так рассказал им, сколько дураков на обратном пути с радости гробанулись. Молчите, говорю, и смотрите лучше по сторонам, а то будет с вами как с Линденом-Коротышкой. Подействовало. Даже не спросили, что случилось с Линденом-Коротышкой. И хорошо. В Зоне по знакомой тропке сто раз благополучно пройдешь, а на сто первый гробанешься. Плыдем в тишине, а я об одном думаю: как колпачок свинчивать буду. Представляю я себе, как первый глоток сделаю, а перед глазами нет-нет да паутинки и блеснут.

Короче говоря, выбрались мы из Зоны, загнали нас с «галошей» вместе в «вошебойку», в санитарный ангар то есть. Мыли нас там в трех кипятках и трех щелоках, облучали какой-то

сволочью, обсыпали чем-то и снова мыли, потом высушили и сказали: валяйте, ребята, свободны. Тендер с Кириллом «пустышку» поволокли — народу набежало смотреть, не протолкнешься, и ведь что характерно: все только смотрят, а взяться и помочь усталым людям тащить — ни одного смелого не нашлось. Ладно, меня это все не касается. Меня теперь ничего не касается. Стянул я с себя спецкостюм, бросил его прямо на пол — холуи-сержанты подберут, — а сам пошел прямо в душевую, потому что мокрый я был весь с головы до ног. Заперся в кабинке, вытащил флягу, отвинтил колпачок и присосался к ней, как клоп. Сажу на лавочке, в коленках пусто, в голове пусто, в душе пусто, знай себе глотаю крепкое, как воду. Живой. Отпустила Зона. Отпустила, сука. Стерва родимая. Подлая. Живой. Ни хрена новичкам этого не понять. Никому, кроме сталкера, этого не понять. И текут у меня по щекам слезы — то ли от крепкого, то ли не знаю от чего. Высосал флягу досуха, сам мокрый, фляга сухая. Одного последнего глотка, конечно, не хватило. Ну ладно, это поправимо. Закурил сигарету, сажу. Чувствую — отходить начал. Премияльные в голову пришли. Это у нас в институте поставлено отчетливо. Прямо хоть сейчас иди и получай конвертик. А может, и сюда принесут, прямо в душевую.

Стал я потихоньку раздеваться. Снял часы,

смотрю — а в Зоне-то мы пробыли пять часов с минутами, господа мои. Пять часов. Меня аж передернуло. Да, господа мои, в Зоне времени нет. Пять часов. А если разобраться, что такое для сталкера пять часов? Плюнуть и растереть. А двенадцать часов не хочешь? А двое суток не хочешь, когда за ночь не успел, целый день в Зоне лежишь рылом в землю и уже не молишься даже, а вроде бы бредишь и сам не знаешь, живой ты или мертвый, а во вторую ночь дело сделал, с хабаром к кордону подобрался, а там патрули-пулеметчики, и снова рылом в землю — молиться до темноты, а хабар рядом лежит, и ты даже не знаешь, то ли он просто лежит, то ли он тихонько убивает. Или как Мослатый Исхак застрял на рассвете на открытом месте, сбился с дороги и застрял между двумя канавами — ни вправо, ни влево. Два часа по нему стреляли, попасть не могли, два часа он мертвым притворялся, а потом не выдержал все-таки, встал во весь рост и пошел прямо на пулемет. Царство ему небесное, хороший был мужик, такие долго не живут, мы с Барбриджем в ста шагах от него за камушком лежали, он нас выручил. Не заметили нас. Шлепнули его и ушли.

Ладно, отер я слезы и включил воду. Долго мылся. Горячей мыл ся, холодной мылся, снова горячей. Мыла целый кусок извел. Потом надоело. Выключил душ и слышу: барабанят в дверь, и

Кирилл весело орет:

— Эй, сталкер, вылезай! Зелененькими пахнет! Зелененькими — это хорошо. Открыл я дверь, стоит Кирилл, голый, веселый, и конверт мне протягивает.

— Держи, — говорит, — от благодарного человечества.

— Кашлял я на твое человечество. Сколько здесь?

— В виде исключения и за геройское поведение в опасных обстоятельствах — два оклада.

Да. Так жить можно. Если бы мне здесь за каждую «пустышку» по два оклада платили, я бы давно Эрнеста подальше послал.

— Ну как, доволен? — спрашивает Кирилл, а сам сияет — рот до ушей.

— Я-то доволен, — говорю. — А ты-то как?

Он ничего не сказал. Обхватил меня за шею, прижал к потной своей груди, притиснул, оттолкнул и скрылся в соседнюю кабинку.

— Эй! — кричу ему вслед. — А Тендер что? Подштанники, небось, меняет?

— Что ты! — говорит. — Тендера там корреспонденты окружили, ты бы на него посмотрел, какой он важный! Как он там компетентно излагает...

— Как, — говорю, — излагает?

— Компетентно.

— Ладно, — говорю, — сэр. В следующий раз захвачу словарь, сэр. — И тут меня словно током ударило. — Подожди, Кирилл. — говорю. — Ну-ка выйди сюда.

— Да я уж трусы снял, — говорит.

— Выйди, я не баба.

Ну, он вышел. Взял я его за плечи, повернул спиной. Нет. Показалось. Чистая спина. Струйки пота засохли.

— Чего тебе моя спина далась? — он спрашивает.

Дал я ему пинка под голую задницу, нырнул к себе в душевую и заперся. Нервы, черт бы их подрал. Там мерещилось, здесь мерещится... К дьяволу все это. Напьюсь сегодня, как зюзя. Хорошо бы Ричарда ободрать... Надо же, стервец, как играет! Ни с какой картой его не возьмешь. Я и передергивать пробовал, и карты под столом крестил, и по-всякому...

— Кирилл! — кричу. — В «Боржч» сегодня придешь?

— Не в «Боржч», а в «Борщ», сколько раз тебе говорить...

— Брось! Написано «Боржч». Ты со своими порядками к нам не суйся. Так придешь или нет? Ричарда бы ободрать...

— Ох, не знаю, Рэд. Я сейчас помоюсь — и в

лабораторию. Ты ведь, простая твоя душа, и не понимаешь, какую мы штуку притащили...

— А ты-то понимаешь?

— Я, впрочем, тоже не понимаю. Это верно. Но теперь, во-первых, понятно, для чего эти «пустышки» служили, а во-вторых, если одна моя идея пройдет... Напишу статью и тебе ее персонально посвящу: «Рэдрику Шухарту, почетному сталкеру, с благоговением и благодарностью посвящаю».

— Тут-то меня и упекут на два года. — говорю я.

— Зато в историю войдешь! Так эту штуку и будут называть: Банка Шухарта. Звучит, а?

Пока мы так трепались, я оделся, сунул пустую флягу в карман, пересчитал зелененькие и пошел себе.

— Счастливо тебе оставаться, сложная твоя душа...

Он не ответил, видно, вода сильно шумела.

Смотрю, в коридоре — господин Тендер собственной персоной, красный весь, надутый, что твой индюк. Вокруг него толпа — тут и сотрудники, и корреспонденты, и пара сержантов затесалась, а он знай себе болбочет. «Та техника, которой мы располагаем, — болбочет, — дает почти стопроцентную гарантию успеха и безопасности...» Тут он меня увидал и сразу как-то подсох,

улыбается, ручкой делает. Ну, думаю, надо удирать. Рванул я когти, но не успел. Слышу — топочут позади.

— Господин Шухарт! Господин Шухарт! Два слова о гараже!

— Комментариёв не имею, — говорю и перехожу на бег. Черта с два от них оторвешься: один с микрофоном справа, другой с фотоаппаратом слева.

— Видели ли вы в гараже что-нибудь необычное? Буквально два слова.

— Нет у меня комментариёв! — говорю я, стараясь держаться к фотографу затылком. — Гараж как гараж.

— Благодарю вас. Какого вы мнения о турбоплатформах?

— Прекрасного, — говорю я, а сам нацеливаюсь точненько в сортир.

— Что вы думаете о цели Посещения?

— Обратитесь к ученым, — говорю. И раз — за дверь. Слышу — скребутся. Тогда я им через дверь говорю:

— Настоятельно рекомендую, — говорю, — расспросите господина Тендера, почему у него нос, как свекла. Он по скромности замалчивает, а это было самое наше увлекательное приключение.

Как они вдарят по коридору! Как лошади, ей-богу. Я выждал минутку — тихо. Высунулся —

никого. И пошел себе, посвистывая. Спустился в проходную, предъявил дылде пропуск — смотрю, он мне честь отдает. Герою дня. значит.

— Вольно, сержант, — говорю. — Я вами доволен.

Он осклабился, как будто я ему бог весть как польстил.

— Ну, ты, Рыжий, молодец. — говорит. — Горжусь, — говорит, — таким знакомством.

— Что, — говорю, — будет тебе в твоей Швеции о чем девкам рассказывать?

— Спрашиваешь! — говорит. — Они же кипятком писать будут.

Нет, ничего он парень. Я. честно говоря, таких рослых и румяных не люблю. Девки от них без памяти, а чего, спрашивается? Не в росте ведь дело. Иду это я по улице и размышляю, в чем же тут дело. Солнышко светит, безлюдно вокруг. И захотелось мне вдруг прямо сейчас же Гуту увидеть. Просто так. Посмотреть на нее, за руку подержать. И не потому что я слюнтяй какойнибудь или, скажем, романтик. Просто я знаю, что после Зоны только одно и остается — за руку держать. Зона — она хуже ста баб человека измочаливает. Особенно когда вспомнишь все эти разговоры про детей сталкеров, какие они получаются. Да уж, какая сейчас Гута, мне сейчас для начала бутылку крепкого, не меньше.

Миновал я автомобильную стоянку, а там и кордон. Стоят две патрульные машины во всей своей красе, широкие, желтые, прожекторами и пулеметами, жабы, ошетинились, ну и, конечно, голубые каски, всю улицу загородили, не протолкнешься. Я иду, глаза опустил, лучше мне сейчас на них не смотреть, днем мне на них лучше не смотреть: есть там два-три рыла, так я боюсь их узнать, скандал большой получится, если я их узнаю. Повезло им, ей-богу, что Кирилл меня в институт сманил, я их, сук, искал тогда, пришел бы и не дрогнул. Прохожу я через эту толпу плечом вперед, прошел уже и тут слышу: «Эй, сталкер!» Ну, это меня не касается, иду дальше, тащу из пачки сигаретку. Догоняет сзади кто-то, берет за плечо. Я эту руку с плеча стряхнул и, не оборачиваясь, вежливенько так спрашиваю:

— Какого хрена вам надо, мистер?

— Пстой, сталкер. — говорит. — Два вопроса.

Поднял я на него глаза — капитан Квотерблад. Старый знакомый. Совсем ссохся, желтый стал какой-то.

— А, — говорю, — здоровья желаю, капитан. Как ваша печень?

— Ты, сталкер, мне зубы не заговаривай, — требует он, а сам так и сверлит меня глазами. — Ты мне лучше скажи, почему сразу не

останавливаешься, когда тебя зовут? И уже тут как тут две голубые каски у него за спиной, лапы на кобурах, глаз не видно, только челюсти под касками шевелятся. И где у них в Канаде таких набирают? Вот что значит — давно народ не воевал... Днем я патрулей вообще-то не боюсь, но вот обыскать, суки, могут, а мне это сейчас ни к чему.

— Что вы, капитан? — говорю. Разве вы меня звали? Вы какого-то сталкера...

— А ты, значит, уже не сталкер?

— Как по вашей милости отсидел — бросил, — говорю. — Завязал. Спасибо вам, капитан, глаза вы мне тогда открыли. Если б не вы...

— Что в нредзоннике делал?

— Как — что? Я там работаю. Два года уже.

И чтобы кончить этот неприятный разговор, вынимаю свое удостоверение и предъявляю. Капитан Квотерблад взял мою книжечку, перелистал, каждую страничку, каждую печать просто-таки обнюхал, чуть ли не облизал. Возвращает мне книжечку, а сам доволен, глаза разгорелись, и даже зарумянился.

— Извини, — говорит, — Шухарт. Не ожидал. Значит, — говорит, — не прошли для тебя даром мои советы. Что ж, это прекрасно. Хочешь верь, хочешь не верь, а я еще тогда уверен был, что из

тебя толк должен получиться. Не допускал я, чтобы такой парень...

И пошел, и пошел. Я, значит, слушаю, глаза смущенно опускаю, поддакиваю, руки развожу и даже, помнится, ножкой застенчиво так панель ковыряю. Эти громилы у капитана за спиной послушали-послушали, невтерпеж им стало, ну и пошли. А капитан знай мне о перспективах излагает, ученье, мол, свет, неученье — тьма крошечная, господь, мол, честный труд любит и ценит, в общем, несет эту разнузданную тягомотину, которую нам в тюрьме священник каждое воскресенье читал. А мне выпить хочется — никакого терпезу нет. Ничего, думаю, Рэд, это ты, браток, тоже выдержишь. Надо, Рэд, терпи! Не сможет он долго в том же темпе, вот уже и задыхаться начал... Тут, на мое счастье, одна из патрульных машин принялась сигналить. Капитан Квотерблад оглянулся, крикнул с досадой и протягивает мне руку.

— Ну что ж, — говорит. — Рад был с тобой познакомиться, честный человек Шухарт. С удовольствием бы опрокинул с тобой по стаканчику в честь такого знакомства... Крепкого, правда, мне нельзя, печень не позволяет, но пиво я бы с тобой выпил. Но вот видишь, служба! Еще встретимся, — говорит.

Не приведи господь, думаю. Но ручку ему

пожимаю и продолжаю краснеть и делать ножкой — все, как ему хочется. Потом он ушел наконец, а я чуть ли не стрелой — в «Боржч».

В «Боржче» в это время пусто. Эрнест стоит за стойкой, бокалы протирает и смотрит их на свет. Удивительная, между прочим, вещь: как ни придешь — вечно эти бармены бокалы протирают, словно у них от этого спасение души зависит. Вот так и будет стоять хоть весь день: возьмет бокал, прищурится, посмотрит на свет, подышит на него и давай тереть, потрет-потрет, опять посмотрит, теперь через доньшко, и опять тереть...

— Здорово, Эрни, — говорю. — Хватит тебе его мучить, дыру протрешь!

Посмотрел он на меня через бокал, пробурчал что-то, будто животом, и, не говоря лишнего слова, наливает мне на четыре пальца крепкого. Взгромоздился я на табурет, глотнул, зажмурился, головой помотал и опять глотнул. Холодильник пощелкивает, из музыкального автомата тихое какое-то пиликанье доносится. Эрнест сопит в очередной бокал... Хорошо, спокойно. Я допил, поставил бокал на стойку, и Эрнест без задержки наливает мне еще на четыре пальца прозрачного.

— Ну что. легче стало? — бурчит. — Оттаял, сталкер?

— Ты знай себе три, — говорю. — Знаешь, один тер-тер и злого духа вызвал. Жил потом в свое

удовольствие.

— Это кто же такой? — спрашивает Эрни с недоверием.

— Да был такой бармен здесь, — отвечаю. — Еще до тебя.

— Ну и что?

— Да ничего... Ты думаешь, что это было такое — Посещение? Чье, ты думаешь, это было Посещение?

— Трепло ты, — говорит мне Эрни. Вышел на кухню, вернулся с тарелкой. Жареных сосисок принес. Поставил тарелку передо мной, кетчуп пододвинул, а сам снова за бокалы взялся.

Эрнест свое дело знает. Глаз у него наметанный, сразу видит, что сталкер из Зоны, что хабар будет, знает, что сталкеру после Зоны надо. Свой человек Эрни. Благодетель. Доел я сосиски, закурил и стал прикидывать, сколько же Эрнест на нашем брате зарабатывает. Какие цены на хабар в Европе — я не знаю, краем уха слышал, что пустышка, например, идет чуть ли не за две с половиной тысячи монет, а Эрнест дает нам всего четыреста. «Батарейки» там стоят не меньше ста, а мы получаем от силы по двадцать. Наверное, и все прочее в том же роде. Правда, конечно, переправить хабар в Европу тоже денег стоит. Тому на лапу, этому на лапу, начальник станции наверняка у них на содержании. В общем, если

подумать, не так уж много Эрнест и заколачивает, процентов пятнадцать — двадцать, не больше, а если попадется — лет десять каторги ему обеспечено...

Тут мои благочестивые размышления прерывает какой-то вежливый тип. Я даже не слышал, как он вошел. Объявляется он около моего правого локтя и спрашивает: «Разрешите?»

— Прошу, — говорю. — О чем речь?

Маленький такой, худенький, с востреньким носиком и при галстукке бабочкой. Фотокарточка его вроде мне знакома, где-то я его уже видел. Залез он на табурет рядом и говорит Эрнесту:

— Бурбон, пожалуйста. — И сразу же ко мне: — Простите, кажется, я вас знаю. Вы в международном институте работаете, так?

— Да, — говорю. — А вы?

Он ловко выхватывает из кармашка карточку и кладет передо мной. Читаю: «Алоиз Макно, полномочный агент Бюро эмиграции». Ну, конечно, знаю я его. Пристает к людям, чтобы они из города уезжали. Кому-то надо, чтобы мы все из города уехали. Нас, понимаешь, в городе и так едва половина осталась от прежнего, так им надо совсем место от нас очистить. Отодвинул я карточку и говорю ему:

— Нет, — говорю, — спасибо. Не интересуюсь. Мечтаю так и умереть на родине.

— А почему? — живо спрашивает он. — Простите за нескромность, но что вас здесь удерживает?

Так ему и скажи, что меня здесь держит.

— А как же, — говорю. — Сладкие воспоминания детства, первый поцелуй в городском саду, маменька, папенька. Как в первый раз пьян надрался в этом вот баре. Милый сердцу полицейский участок... — Тут я достаю из кармана свой засморканный носовой платок и прикладываю к глазам. — Нет, — говорю. — Ни за что.

Он посмеялся, лизнул своего бурбону и задумчиво так говорит:

— И все-таки не совсем я вас, местных, понимаю. Жизнь в городе тяжелая. Власть принадлежит военным организациям. Снабжение неважное. Под боком Зона, живете как на вулкане. В любой момент может либо эпидемия какая-нибудь. разразиться или что-нибудь похуже. Я понимаю — старики. Им трудно сняться с насиженного места. Но такие люди, как вы... Сколько вам лет? Года двадцать два — двадцать три, наверное? Вы поймите, наше Бюро — организация благотворительная, никакой корысти мы не извлекаем. Просто хочется, чтобы люди ушли с этого дьявольского места и включились бы в настоящую жизнь. Мы обеспечиваем подъемные, трудоустройство на новом месте... молодым,

таким, как вы, обеспечиваем возможность учиться...

— А что, — говорю я, — никто не хочет уезжать?

— Да нет, не то чтобы никто... Некоторые соглашаются, особенно люди с семьями... Но вот молодежь и старики... Ну что вам в этом городе? Это же дыра, провинция...

И тут я ему выдал.

— Господин Алоиз Макно, — говорю. — Все правильно. Городишко наш — дыра. Всегда дырой был и сейчас дыра. Только сейчас, — говорю, — это дыра в будущее. Через эту дыру мы такое в ваш мир накачаем, что все переменится. Жизнь будет другая, правильная, у каждого будет все, что надо. Вот вам и дыра. Через эту дыру знания идут. А когда знание будет, мы и богатыми всех сделаем, и к звездам полетим, и куда хочешь заберемся. Вот такая у нас здесь дыра.

И тут я вижу, что Эрнест смотрит на меня с огромным удивлением, и стало мне неловко. Не люблю я чужие слова повторять, да же если эти слова мне нравятся. Тем более что у меня это как-то коряво выходит. Когда Кирилл говорит, заслушаться можно. Я вроде бы то же самое излагаю, но получается как-то не так. Может быть, потому, что Кирилл никогда Эрнесту под прилавок хабар не складывал. Ну ладно. Тут Эрнест

спохватился и торопливо налил мне сразу пальцев на шесть: очухайся, мол, парень, что это с тобой сегодня? А востроносый господин Макно снова лизнул своего бурбону и задумчиво так говорит:

— Да, конечно... Вечные аккумуляторы, «синяя панацея»... Но вы в самом деле вериге, что будет так, как вы сказали?

— Это не ваша забота, во что я там на самом деле верю, — говорю я. — Это я про город говорил. А про себя я так скажу: что я у вас там в Европе не видел? Скуки вашей не видел? День вкалываешь, вечер телевизор смотришь, ночь пришла — к постылой бабе под одеяло, детей делать. Стачки ваши, демонстрации, политика раздолбанная... В гробу я вашу Европу видел, — говорю, — занюханную.

— Ну почему же обязательно Европа?

— А, — говорю, — везде одно и то же, а в Антарктиде еще вдобавок холодно.

И ведь что удивительно: говорил я и всеми печенками верил в то, что говорю. И Зона наша, сука стервозная, убийца, во сто раз милее мне в этот момент была, чем все эти Европы и Африки. И ведь пьян еще не был, а просто представилось мне на мгновение, как я усталый с работы возвращаюсь в стаде таких же кретинов, как меня в ихнем метро давят со всех сторон, и все мне обрыдло, и ничего мне не хочется.

— А вы что скажете? — обращается востроносый к Эрнесту.

— У меня дело, — веско отвечает Эрни. — Я вам не сопляк какой-нибудь. Я все свои деньги в это дело вложил. Ко мне иной раз сам комендант заходит, генерал, не хрен собачий, чего же я отсюда поеду.

Господин Алоиз Макно принялся ему что-то втолковывать, но я его уже не слушал. Хлебнул я как следует из бокала, выгреб из кармана кучу мелочи, слез с табуретки и первым делом запустил музыкальный автомат на полную катушку. Есть там одна такая песенка — «Не возвращайся, если не уверен». Очень она на меня хорошо действует после Зоны. Ну, автомат, значит, гремит и завывает, а я забрал свой бокал и пошел в угол к «однорукому бандиту» старые счета сводить. И полетело время, как птичка.

Просаживаю это я последний никель, и тут вваливаются под гостеприимные своды Гуталин и Дик. Гуталин уже на взводе, вращает белками и ищет, кому бы дать в рыло, а Ричард Нунан нежно держит его под руку и отвлекает анекдотами. Хороша парочка. Гуталин здоровенный, черный, курчавый, руки до колен, а Дик маленький, плотненький, розовенький весь, благодостный, что твой священник.

— А! — кричит Дик, увидев меня. — Вот и

Рэд здесь. Иди к нам, Рэд!

— Правильно! — рычит Гуталин. — Во всем городе есть только два человека — Рэд и я. Все остальные свиньи, дети сатаны. Рэд тоже служит сатане, но он все-таки человек.

Я подхожу к ним, Гуталин сгребает меня за куртку, сажает за столик и говорит:

— Садись, Рэд, садись, слуга сатаны. Люблю тебя. Поплачем о грехах человеческих. Горько восплачем!

— Восплачем, — говорю. — Глотнем слез греха.

— Ибо грядет день! — возвещает Гуталин. — Уже взнуздан конь бледный, и уже вложил ногу в стремя всадник его. И тщетны молитвы продавшихся сатане. И спасутся только ополчившиеся на него. Вы, дети человеческие, сатаной прельщенные, сатанинскими игрушками играющие, сатанинских сокровищ взалкавшие, вам говорю: слепые! Опомнитесь, сволочи, пока не поздно! Растопчите дьявольские бирюльки! — Тут он вдруг замолчал, словно забыл, как будет дальше. — А выпить здесь дадут? — спросил он уже другим голосом. — Знаешь, Рэд, меня опять с работы выгнали. Агитатор, говорят. Я им объясняю: «Опомнитесь, сами, слепые, в пропасть валитесь и других слепцов за собой тянете». Смеются. Ну, дал я управляющему по харе и ушел. Посадят теперь.

Подошел Дик, поставил на стол бутылку, расставил бокалы.

— Сегодня я плачу! — крикнул я Эрнесту. Дик на меня скосился.

— Все законно, — говорю. — Премию будем пропивать.

— Ходили в Зону? — Дик спрашивает. — Что вынесли?

— Полную «пустышку», — говорю я. — И полные штаны вдобавок. Ты разливать будешь или нет?

— «Пустышку»! — гудит Гуталин горестно. — За какую то «пустышку» жизнью своей рисковал. Жив остался, но в мир принес еще одно дьявольское изделие... А как ты можешь знать, сколько горя и греха...

— Засохни, Гуталин, — сказал я строго. — Пей и веселись, что я живой вернулся. За удачу, ребята!

Хорошо пошло за удачу. Гуталин совсем скис — сидит, плачет. Ничего, я его знаю, это у него первая стадия такая — обливаться слезами и проповедовать, что Зона, мол, — это соблазн, выносить из нее ничего нельзя, а что вынесли — вернуть обратно и жить так. будто ее вовсе нет. Дьяволу, мол, дьяволово. Ничего, он еще разойдется. Дик меня спрашивает:

— Что это такое — полная «пустышка»?

Просто «пустышку» я знаю, а вот что такое полная? Первый раз слышу.

Я ему объяснил. Он головой покачал, языком поцокал.

— Да, — говорит, — это интересно. Это, — говорит, — что-то новенькое. А с кем ты ходил? С русским?

— Да, — отвечаю. — С Кириллом и с Тендером, знаешь, наш лаборант.

— Обгадились они там, наверное, — говорит.

— Ничего подобного. Очень прилично держались ребята. Особенно Кирилл. Прирожденный сталкер, — говорю. — Ему бы опыта побольше, торопливость с него эту детскую сбить, я бы с ним каждый день в Зону ходил.

— И каждую ночь? — спрашивает этак небрежно, а сам разливает.

— Ты это брось, — говорю. — Шутки шутками...

— Знаю, — говорит он. — Шутки шутками, а за такое и по морде можно схлопотать. Считай, что я тебе должен две плюхи...

— Кому две плюхи? — встрепенулся Гуталин. — Который здесь?

Схватили мы его за руки, посадили. Дик ему бокал придвинул, сигарету в зубы вставил и зажигалку поднес. А народу тем временем все прибавляется. Стойку уже облепили, многие

столики заняты, Эрнест своих девок кликнул, бегают, разносят кому что — кому пиво, кому коктейли, кому чистое. Я смотрю, в последнее время в городе много незнакомых появилось, все больше какие-то молокососы в пестрых шарфах. Я сказал об этом Дик. Дик мне кивает.

— Ну как же, — говорит. — Большое ведь строительство начинается. Институт три новых здания закладывает, Зону собираются стеной огородить, от кладбища до старого ранчо стена пройдет. Хорошие времена для сталкеров кончаются...

— А когда они у сталкеров были? — говорю. А сам думаю: вот тебе и на, что еще за новости? Значит, теперь не подработаешь. Ну что ж, может, это и к лучшему, меньше соблазна. Буду ходить в Зону днем, как порядочный, деньги, конечно, не те, но зато безопаснее — «галоша», спецкостюм, то-се, и на патрулей наплевать. Прожить можно и на зарплату, а выпивать буду на премиальные. И такая меня тоска взяла! Опять каждый грош считай, это можно себе позволить, это нельзя себе позволить. Гуте на любую тряпку копи, в бар не ходи, ступай в кино... Сiju я так. думаю, а Дик над ухом гудит:

— Вчера в гостинице, — говорит, — зашел я в бар принять ночной колпак, сидят какие-то новые, сразу они мне не понравились, подсаживается один ко мне и заводит разговор издалека, дает понять,

что он меня знает, знает, кто я, где работаю, и намекает, что готов хорошо оплачивать разнообразные услуги...

— Шпик, — говорю я. Не очень мне интересно было это, шпики я здесь навидался и разговоров насчет услуг слышался.

— Нет, милый мой, не шпик, — Дик говорит. — Бери выше. Я немножко с ним побеседовал, осторожно, конечно, дурачка такого соорил. Его интересуют кое-какие предметы в Зоне, и при этом предметы серьезные: аккумуляторы, «зуда», «черные брызги» и прочая бижутерия ему не нужна. А на то, что ему нужно, он только намекал.

— Так что же ему нужно? — спрашиваю я.

— «Ведьмин студень», как я понял, — говорит Дик и пристально на меня смотрит.

— Ах, «ведьмин студень» ему нужен? — говорю я. — А «смерть-лампа» ему случайно не нужна?

— Я его тоже так спросил.

— Ну?

— Представь себе, нужна.

— Да? — говорю я. — Ну так пусть сам все это добывает. Все просто, «ведьмина студня» вон полные подвалы, пусть берет ведро и зачерпывает. Зачерпнул — и в рай.

Дик молчит. Смотрит на меня исподлобья и

даже не улыбается. И тут до меня дошло.

— Подожди, — говорю. — Кто же это такой? Ведь «студень» запрещено даже в институте изучать...

— Правильно, — говорит Дик неторопливо, а сам все на меня смотрит. — Исследование, представляющее потенциальную опасность для человечества. Понял теперь, кто это?

Ничего я не понимал.

— Пришельцы, что ли? — говорю.

Он, наконец, засмеялся, похлопал меня по руке и говорит:

— Давай выпьем, простая ты душа.

— Давай, — говорю, но злюсь. Какого хрена, нашли простую душу, сукины дети. — Эй, — говорю, — Гуталин! Давай выпьем!

Спит Гуталин. Положил свою черную ряшку на черный столик и спит, руки до полу свесил. Выпили мы с Диком.

— Ну ладно, — говорю. — Простая я там душа или сложная, а про этого типа я бы тут же сообщил куда следует. Уж на что я не люблю Полиции, а сам бы пошел и сообщил.

— Угу, — говорит Дик. — А тебя бы в полиции спросили: а по чему это именно к вам оный тип обратился? А?

Я помотал головой.

— Все равно. Ты, толстый боров, в городе

второй год, а в Зоне ни разу не был, «ведьмин студень» только в кино видел, а посмотрел бы ты его в натуре, так тут же бы и обгадился. Это, милоч, страшная штука, ее из Зоны выносить нельзя... Сам знаешь, сталкеры люди грубые, им лишь бы деньги платили, но на такое даже покойный Слизняк не пошел бы. Я даже представить себе боюсь, для чего «ведьмин студень» может понадобиться.

— Что ж, — говорит Дик, — все это правильно. Только мне, понимаешь, не хочется, чтобы в одно прекрасное утро нашли меня в постельке покончившим жизнь самоубийством. Я тоже человек грубый, деловой, но жить, понимаешь, люблю. Давно живу, привык уже...

Тут вдруг Эрнест заорал из-за стойки:

— Мистер Нунан! Вас к телефону!

— Вот черт, — говорит Дик расстроено. — Опять, наверное, рекламация. Везде найдут. Извини, — говорит, — Рэд.

Встает он и уходит к телефону. А я остаюсь с Гуталином и с бутылкой, и поскольку от Гуталина толку никакого нет, то принимаюсь я за бутылку вплотную. Черт бы побрал эту Зону, нигде от нее спасения нет. Куда ни пойдешь, с кем ни заговоришь — Зона, Зона, Зона. Хорошо, конечно, Кириллу рассуждать, что из Зоны проистечет вечный мир и благорастворение воздушных. Кирилл — хороший парень, и никто его дураком не назовет,

но ведь он же о жизни ни черта не знает. Он представить себе не может, сколько всякой сволочи вокруг Зоны крутится. Вот теперь — пожалуйста: «ведьмин студень» понадобился. Нет, Гуталин хоть и пропойца, и псих, но иногда подумаешь подумаешь, да и скажешь: может, действительно лучше дьяволову дьяволу оставить? Не тронь дерьмо... Тут усаживается на место Дика какой-то сопляк в пестром шарфе.

— Господин Шухарт? — спрашивает.

— Ну? — говорю.

— Меня зовут Креон, — говорит. — Я с Мальты.

— Ну, — говорю, — и как там у вас на Мальте?

— У нас на Мальте неплохо, но я не об этом. Меня к вам направил господин Барбридж.

Так, думаю. Сволочь все-таки этот Барбридж. Ни жалости в нем нет, ничего. Вот сидит парнишка, смугленький, чистенький, красавчик, не брился, поди, еще ни разу и девку еще ни разу не целовал, а Барбриджу все равно. Не зря его Стервятником называют, и зря он на это обижается.

— Ну и как поживает старина Барбридж? — спрашиваю.

— По-моему, он не очень хорошо поживает, — говорит мальтиец. — Кряхтит все время и ноги растирает.